

Большой театр. — 2001. —
сент. (№5). — С. 22

ПЕЗАРО-2001:

ПРИДВОРНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК, БЕЗУМСТВА ДАРИО ФО И ПРЕРОМАНТИЧЕСКАЯ ДЫМКА “ДЕВЫ ОЗЕРА”

В программе двадцать второго по счету монографического Россиниевского фестиваля в Пезаро есть доля риска: на афише ни одного популярного названия, а вместо этого сплошные «белые пятна». Лишь «Дева озера» что-то говорит любителю оперы; почти совсем неизвестна «Газета», хотя и написана в плодотворный для композитора период, между «Севильским цирюльником» и «Золушкой»; «Свадьба Пелея и Фетиды» и вовсе не опера, а «музыкальный праздник», включающий две кантаты раннего неаполитанского Россини, «Юнону» и «Свадьбу Фетиды и Пелея», балет из «Армиды» и отдельные виртуозные номера.

Театр Россини в этом году реставрируется, и для «музыкального праздника» выбрана очень подходящая и красивая «оправа»: неоклассическая вилла Каприле. Расположенная на холме и великолепно освещенная, вилла сама по себе — изумительная декорация. Поднявшись по специально построенным лестницам, зритель попадает в небольшой амфитеатр, напоминающий драгоценные театры эпохи Возрождения и идеально гармонирующий со стройными кипарисами парка и белоснежными храмами, статуями и обелисками Пьера Луиджи Пицци.

Кому, как не этому изысканнейшему поэту красоты, могло быть поручено создание спектакля, вызывающего к жизни придворные празднества по случаю сиятельных свадеб или рождений? Волею Пицци вы переноситесь в иной, навсегда потерянный мир: ослепительный белый цвет доминирует в представлении, оттененный умеренным количеством красного и золотого, между двумя одинаковыми храмами устремляется ввысь обелиск, боги появляются на движущихся тронах, прямо из сцены начинают бить фонтаны, оркестр сидит в полукруглой яме, и ее обрамление служит артистам для остроумных мизансцен и поклон-нов публике.

Пицци, как всегда, выступает в трех ролях: режиссера, сценографа и художника по костюмам, но в случае с воскрешением придворного празднества декоратор в нем решительно преобладает. Невозможно не любоваться расположением фигур, одетых в столь изысканные наряды. Но спектакль не только любопытная «живая картина»: в нем есть доля иронии, которую вносят исполнители. Так что «Свадьба Фетиды и Пелея» — не просто музыкально-сценическая реставрация, но и милая насмешка, взгляд на россиниевскую эпоху из нашего времени.

Среди певцов, занятых в спектакле, есть звезды (Эва Подлещ и Рокуэлл Блэйк). Но музыкальная сторона представления разочаровывает, как нельзя лучше выражая тенденцию сегодняшнего дня: все эти сопрано и тенора отлично музыкально и стилистически подготовлены и приятно выглядят на сценических подмостках, но их решительно невозможно отличить друг от друга, а в их пении услышать хоть одну теплую ноту. Таковы Чинция Форте — Фетида и Хуан Хосе Лопера — Пелей. Эва Подлещ — Юнона вначале предстает не лучшим образом, голос расшатан, верхи тусклы, но певица полностью реабилитирует себя блестящим исполнением финального рондо Золушки. Кроме того, ее Юнону очень украшает ирония: жена Зевса без конца вступает в соперничество с Церерой Патриция Чофи, то и дело наступая ей на длинный шлейф. Именно Патриция Чофи — бриллиант этого «музыкального праздника»: это не выдающийся голос, но — «умный», точный, с безупречной колоратурой (чего нельзя сказать о ее партнерах — Чинции Форте и Хуане Хосе Лопере). Рокуэлл Блэйк, появившийся на фестивале после пяти лет отсутствия, купается в лучах славы, расточая улыбки и кокетливые выходы. Его иронический Юпитер развлекает, но пение неудовлетворительно: верхи не только пронзительны, но и «недотянуты», а головокружительные фиоритуры приблизительны. Однако публика, судя по всему, этого не замечает: в конце спектакля какой-то горячий поклонник Блэйка даже восклицает: «ога posso morire!» («теперь я могу умереть!»).

Джулиано Карелла во главе оркестра болонского Театра Комунале деликатно аккомпанирует певцам, хотя момент интерпретации в его дирижировании выражен слабо. Великолепен, как всегда, Пражский Камерный хор.

На следующий день публику ждут в элегантном зале Педротти при местной консерватории — обычном месте представлений опера buffa. На этот раз на свет извлечена «Газета», которая есть не что иное, как pasticcio: наряду с оригинальной музыкой в опере использованы фрагменты из «Турка в Италии», «Пробного камня», «Сигизмунда» и «Торвальдо и Дорлиски».

«Свадьба Пелея и Фетиды»

Сюжет оперы почерпнут из комедии Гольдони: в ней, как очень часто случается, пара влюбленных преодолевает ряд препятствий (например, несогласие родителей) и в конце концов счастливо соединяется. Но прежде публика присутствует при недоразумениях, дуэлях и переодеваниях...

Исполнение «Газеты» на Россиниевском фестивале столь блестяще, что солисты, хор и оркестр напоминают скорый поезд Eurostar, летящий вперед без малейшего затруднения и почти без остановок. Хоры, любовные арии, ансамбли, вокальные скороговорки, речитативы и разговорные вставки сменяют друга друга в вихревом темпе. Это почти путающее совершенство. Молодежный оркестр Россиниевского фестиваля в руках Маурицио Барбачини журчит прозрачно и невесомо, а пение всех невероятно прелестных и забавных солистов напоминает концерт экзотических птиц. Уморителен комический бас Бруно Пракато — Дон Помпонно, непрерывно лопочущий на неаполитанском диалекте, очаровательна и сумасбродна дебютантка Стефания Бонфаделли, берущая всех в плен отточенным и почти пронзительным колоратурным сопрано, еще более прелестны и еще лучше поют Мариза Мартинс — Дораличе и Лаура Польверелли — мадам Ла Роз, как всегда нежен и лиричен Антонино Сирагуза с его акробатическим тенором — Альберто, и наконец, урок высочайшего мастерства преподает Пьетро Спаньоли в роли Филиппо — известный как рафинированный моцартовский певец, этот баритон являет собой подлинное чудо с точки зрения утонченности фразировки, безупречности рудал и сценического обаяния.

Если этот скорый поезд порой тормозит, вина не пассажиров — певцов, а «начальника» — режиссера Дарио Фо (он же соавтор сценографа Франческо Калькантини и художники по костюмам Паолы Мариани). Фо сочиняет спектакль смешной, забавный, полный движения и цвета, но... не имеющий никакого отношения к либретто. Если перенос действия в двадцатые годы двадцатого столетия вполне допустим и дает возможность использовать в сценографии мотивы стиля модерн, а красивых певиц одеть в костюмы в стиле «чарльстон», которые им очень к лицу, то десятки гэгов, развлекающая публика, мешают следить за развитием действия. По сцене бродят уцепив-

шиеся друг за друга слепые, катаются на роликовых коньках полураздетые девицы, слуги просцениума следуют за персонажами с большими листами, на которых написаны слова, которые в данный момент они поют, бутафорские куры на веревочках танцуют, Дон Помпонно въезжает на сцену на невозможном автомобиле, Альберто распекает свою арию на фоне акробатических упражнений соблазнительных девушек в нижнем белье, не говоря уже о переодеваниях, зонтиках, обвитых лентой, аэропланах и конфетти... Кажется, что Фо сначала придумывает трюк, а потом ищет сцену из «Газеты», которую можно было бы им сопроводить. Бурные аплодисменты в публике, но слышно и недовольное бурчание.

«Дева озера» в здании Палафестиваль — подлинное наслаждение для глаза и триумф художницы Маргериты Палли (автора многих незабываемых спектаклей, в том числе и на фестивале в Пезаро). Ее воображаемая Шотландия — романтические скалы, покрытые вечнозеленым мхом, и искрящееся бирюзой озеро. Это озеро — чудо фантазии и сценической техники. «Раскрываясь» посередине волнистой линией, оно служит занавесом, за которым расстилаются мягкие холмы. Не столь удачны костюмы Карло Дьяппи, который представляет шотландских воителей с открытой грудью и ногами (эти детали сделаны из резины), что делает их неизящными и даже устрашающими. Режиссер Лука Ронкони в случае с «Девой озера» остается в тени: все внимание сосредоточено на певцах-актерах, а хор располагается живописными группами.

Знатки и страстные поклонники Россини стараются убедить нас в том, что «Дева озера» принадлежит к шедеврам мастера и заслуживает появления на сцене (среди них Альберто Дзедда, автор статьи в буклете под романтическим названием ««Дева озера», империя чувств»). Но того, кто слушает эту оперу в Пезаро и, желая убедить себя в справедливости адресованных ей похвал, возвращается к ней на компакт-дисках или видеокассетах, не покидает ощущение некоторой скуки. В партитуре не так много ярких эпизодов, навсегда остающихся в памяти. Думается, именно по этой причине «Дева озера» не захватывает целиком и кажется слишком длинной. Отличный дирижер Даниэле Гатти во главе того же оркестра театра Комунале также не убежден в качестве

музыки, хотя его утонченный выразительный жест вдохновляет музыкантов, играющих элегантно и благородно. Этот Россини лишен ожидаемого даже в серьезных операх brío, темпы тяготеют к медлительности, а возвышенный тон, которому следует Гатти, скорее подошел бы музыке Бетховена.

В «Деве озера» могут иметь большой успех певцы, если партии подходят их голосам и ювелирно отделаны. Мариэлле Девиа в роли Елены публика горячо аплодирует, но, кажется, за прошлые заслуги, за Виолетту и Люцию. Партия «девы озера» просто не очень ей подходит (лирико-драматическое сопрано звучало бы гораздо лучше), образ не вырисовывается. Что такое настоящий, по праву завоеванный успех, можно понять, когда выходят на поклонны два других протагониста: Хуан Диего Флорес — король Яков V и Даниэла Барчеллона — Малькольм. Подобные овации редко приходится слышать. Флорес — птица Сирийского Россиниевского фестиваля, очаровательный и отважный, с горячностью выпеваящий феерические колоратуры, впервые демонстрирует не только обаяние, но и артистическую зрелость, в его пении слышится страсть и тепло. Барчеллона — птица Алконост, подлинный вокальный феномен, голос, подобный органу, и в то же время светлый, мастерица фразы и необычайно трогательная на сцене. Чарльз Уоркмену в роли Родриго не всегда удается справиться с виртуозными гаммами и бросками из одного регистра в другой, а роль Симоне Альбергини (Дуглас) — слишком незначительна и не может встать вровень с партиями Елены, Якова и Малькольма.

Как всегда, три оперы — три кита фестиваля, окруженные самой любопытной и разнообразной «фауной». «Путешествие в Реймс» возвращается в Пезаро в исполнении молодежи, в Экспериментальном театре можно насладиться концертами бельканто или пойти на вечер «Мир фарса», объединяющий «Предупреждение ревнивам» Павези и «Поэтессу, страдающую водобоязнью» Пачини, в Палафестиваль послушать духовную музыку Россини — его «Stabat mater». Всех мероприятий не перечислить. Так что, несмотря на спорный выбор названий и противоречивые результаты нынешнего фестиваля, Пезаро остается одним из городов, куда всегда хочется вернуться.

ИРИНА СОРОКИНА